

В поместье маркиза Минсян трое детей из ветви Мо Ся в Зале Жунъань никогда не пользовались особым расположением. Когда они подошли к дверям, их даже не встретила ни одна старшая служанка — пришлось довольствоваться тем, что путь указали и занавесь приподняли младшие девицы третьего ранга, которым вход в покои был заказан.

Хотя Мо Сяюнь давно привыкла к такому обращению, в её глазах всё же мелькнула тень обиды.

Почувствовав её состояние, Мо Ся невозмутимо покрепче сжал в ладони её маленькую пухлую ручку.

Войдя в комнату, Мо Ся увидел, что Мо Сычжэнь и Мо Юньчао примостились по обе стороны от старой госпожи. Мо Юньчао при виде брата победно вскинул подбородок, и в его взгляде читалось нескрываемое злорадство.

Мо Ся сразу всё понял. Опустив глаза, он чинно поклонился.

Мо Цин, следовавший за ним, нахмурился, заметив, что Мо Сычжэнь и Мо Юньчао даже не потрудились встать, но промолчал и вслед за Мо Ся склонился в поклоне.

Мо Юньчао дёрнул бабушку за рукав, надул пухлые щёки и с видом оскорблённой невинности посмотрел на неё.

Старая госпожа похлопала его по руке, словно успокаивая, а затем перевела взгляд на Мо Ся. Её добрые, на первый взгляд, глаза мгновенно посуровели:

— Мо Ся, ты осознаёшь свою вину?

Мо Ся, не дрогнув, посмотрел на Мо Юньчао:

— Четвёртый брат, о том, что я получил ранение, защищая Пятого принца, знает весь дворец. Лишь благодаря милости императрицы я остался невредим. Если ты в карете насмеялся над тем, что мои раны долго не заживают, не означает ли это, что ты обвиняешь саму императрицу в корысти и нежелании даровать благо всему народу? Если Его Величество узнает о подобных мыслях четвёртого брата, поместье маркиза Минсян окажется в опасности.

Мо Юньчао сбился с толку, запутавшись в словах брата. Он даже забыл, что хотел опровергнуть обвинение в неуважении к императрице Дуаньмин:

— Второй брат, хватит нести чепуху! Когда я сегодня упоминал императрицу Дуаньмин? Это ты всё перевернул с ног на голову!

Мо Ся, глядя на кирпичный пол, чуть заметно улыбнулся уголками губ. Он не стал ни отрицать, ни подтверждать, лишь произнёс с видом глубокого раскаяния в собственной опрометчивости:

— Я ведь беспокоюсь, что четвёртый брат вырастет непутёвым, вот и решил наставить его, как старший брат. Если сегодня я повёл себя не лучшим образом, приношу свои извинения. Мы ведь одна семья, и мир в доме — залог нашего долголетия. Не стоит из-за пустяков портить наши братские узы.

Мо Юньчао пришёл в Зал Жунъань пораньше именно для того, чтобы подлить масла в огонь перед бабушкой. Теперь, видя, что она готова его поддержать, он набрался смелости:

— Второй брат, ты всё ещё хочешь притворяться перед бабушкой? Ты забыл, что говорил нам с братом в карете?

Мо Ся посмотрел на него с таким видом, будто сокрушался о непутёвом родственнике, а спустя мгновение тяжело вздохнул и, опустив голову, удручённо произнёс:

— Бабушка, внук виноват. Четвёртый брат действительно не упоминал императрицу Дуаньмин. Это я проявил излишнюю осторожность, приняв тени за призраков. Прошу, накажите меня.

Мо Ся сделал паузу.

Видя его искренность, а также вспоминая, что Мо Ся всегда отличался почтительностью и часто уступал братьям Мо Юньяну и Мо Юньчао, старая госпожа заколебалась.

Мо Юньчао, глядя на невинное лицо брата, едва не задохнулся от ярости. Он соскочил с кушетки, намереваясь наброситься на Мо Ся, но чья-то рука удержала его за рукав.

Мо Ся, по-прежнему склонив голову, притворился, что не понял вопроса старой госпожи:

— Бабушка, в чём же моя вина? Прошу, разъясните.

Затем он быстро поклонился старой госпоже с предельным смирением:

— Бабушка, я действительно сделал замечание третьему брату, но на то были веские причины. Прошу, выслушайте меня, прежде чем принимать решение.

Мо Ся внезапно прозрел:

— А, так третий брат имел в виду именно это.

Столько лет выживать в щелях этого поместья — думаешь, я не переиграю тебя в психологических играх? Ты ещё слишком зелен.

Мо Юньчао обернулся и увидел, что Мо Сычжэнь смотрит на него своими тёмными глазами и едва заметно качает головой, пока бабушка не видит.

Однако в присутствии старой госпожи он вёл себя безупречно, каждое его движение было словно выверено по линейке, что не могло не радовать глаз:

— Бабушка, сегодня в карете четвёртый брат начал со мной препираться. Помня о его юном возрасте, я проявлял снисходительность и молчал. Но он не унимался, и в его словах прозвучало неуважение к императрице Дуаньмин.

Заметив, как изменилось лицо старой госпожи, он опустил глаза, скрывая торжествующую улыбку, и продолжал чётко и ясно:

— Всем известно, как сильно Его Величество чтит императрицу Дуаньмин и никогда не позволял никому и слова сказать против неё. Полгода назад чиновник Чжао из министерства доходов в пьяном виде заявил, что Благородная супруга Цюн более добродетельна, чем покойная императрица. Его Величество приказал конфисковать его имущество и отправить в ссылку за оскорбление памяти императрицы. У четвёртого брата характер прямой и наивный, я искренне испугался, что однажды он навлечёт беду на наше поместье, поэтому и сделал ему внушение. А что касается рукоприкладства...

Старая госпожа действительно не любила Мо Ся и всегда благоволила Мо Юньчао. Перебирая чётки, она обдумывала ситуацию:

— Ты старший брат, а поднял руку на младшего — это твоя вина. Говори, какие ещё у тебя есть оправдания, чтобы я простила тебя?

Даже не взглянула на то, что для этой женщины важнее всего на свете.

Избиение младшего брата.

Мо Ся едва удержался, чтобы не закатить глаза.

Ха-ха, ты умеешь подливать масла в огонь, а я умею играть словами.

Мо Юньчао всегда побаивался своей младшей сестры. Видя её знак, он, хоть и был не согласен, не посмел больше ничего предпринять.

Старая госпожа любила Мо Юньчао, но ещё больше она ценила собственное благополучие. Видя, что Мо Ся не отрицает факта рукоприкладства, а напротив, винится, она склонилась на его сторону. Вспомнив судьбу семьи Чжао, она почувствовала холод в груди и, глядя на Мо Юньчао, упрекнула его:

— Чао-эр, твой второй брат поступил правильно. Разве можно упоминать императрицу Дуаньмин всуе? Ты служишь компаньоном Седьмого принца, должен следить за каждым своим словом, чтобы не навлечь беду на поместье.

Мо Юньчао, чувствуя себя обиженным, хотел оправдаться, но Мо Сычжэнь быстро перехватила его руку и опередила его:

— Бабушка, четвёртый брат действительно был опрометчив. Сегодня он не знал меры, и урок второго брата пошёл ему на пользу. Теперь он наверняка раскаивается и впредь будет помнить об этом.

Она сделала паузу, одарив старую госпожу льстивым взглядом:

— Бабушка обладает великой мудростью и добродетелью, помогая отцу хранить наше семейное достояние. На мой взгляд, четвёртому брату стоит почаще приходить к вам, чтобы внимать вашим наставлениям и исправить свой нрав. Надеюсь, вы не будете против.

Мо Ся слушал, как Мо Сычжэнь легко перевела тему и выторговала для Мо Юньчао лишний повод бывать в Зале Жунъань, и понял, что на этом их сегодняшнее противостояние окончено.

Он вздохнул, признавая поражение.

Слушая звонкий голос Мо Сычжэнь, старая госпожа, польщённая её словами, забыла о своём недовольстве и, поглаживая руку Мо Юньчао, сказала:

— Хорошо, хорошо. А-Чао, приходи к бабушке почаще, я велю приготовить твои любимые сладости. Мы тебя в обиду не дадим.

Конфликт был легко улажен Мо Ся и Мо Сычжэнь.

Старая госпожа словно только сейчас заметила, что трое внуков всё ещё стоят на коленях:

— Можете встать.

Сказав это, она продолжила ворковать с Мо Юньчао и Мо Сычжэнь, и остатки недовольства, возникшие в её сердце, окончательно растаяли под сладкими речами внучки.

На семейном обеде Мо Ся чувствовал себя как на иголках.

Уложив спать Мо Сыюнь, Мо Ся вернулся в Павильон Цаншань, когда уже перевалило за полночь.

Мо Цин вошёл за ним в комнату. Видя измождённый вид брата и вспоминая, как за ужином отец открыто восхищался Мо Юньяном и Мо Юньчао, игнорируя Мо Ся, он не мог сдержать гнев:

— Второй брат, отец сегодня явно перегнул палку. Ты — старший сын законной жены, твоё положение в доме выше всех. Даже если старший и четвёртый братья теперь тоже считаются законнорождёнными, их матери обязаны соблюдать правила приличия перед нашей матерью. Но отец сегодня заявил, что старший брат будет распоряжаться фамильным жертвоприношением, потому что он старший! Куда это ставит тебя? Куда это ставит нашу мать?

Мо Цин говорил это со слезами на глазах, в его голосе сквозила глубокая обида на отца.

Мо Ся же был совершенно спокоен:

— А-Цин, ты правда думаешь, что отец решился бы на такое, если бы его не подтолкнули со стороны?

Мо Цин посмотрел на него с недоумением:

— Что ты имеешь в виду?

Мо Ся потрепал брата по голове, жалея о его нереализованном таланте:

— А-Цин, ты не бываешь во дворце и не можешь представить, насколько глубоко пустила корни фракция Благородной супруги Цюнь. Клан Цуй сейчас на пике могущества, и все придворные уверены, что Первый принц станет будущим...

Мо Ся замолчал, многозначительно взглянув на брата, и продолжил:

— Семья Фэн состоит в родстве с кланом Цуй, и наш отец явно поставил всё на Первого принца. Но статус старшего брата среди компаньонов Первого принца недостаточно высок. Поручить ему проведение жертвоприношения — значит возвысить его статус и заодно унижить Пятого принца через меня.

— Только вот если это станет достоянием общественности, возникнет большой скандал. Не говоря уже о том, согласятся ли дядья, так ещё и учёные из Академии Хунцзюнь разорвут нас на части. Если отец решился на это, значит, получил прямое указание от Благородной супруги Цюнь.

Мо Ся посмотрел на тёмное небо за окном и усмехнулся:

— Если я не ошибаюсь, день жертвоприношения под руководством старшего брата станет днём, когда поместье маркиза Минсян окончательно перейдёт в лагерь Первого принца.

И началом конца для всего рода, как было в оригинальной книге.

Мо Цин встревожился:

— Второй брат, ты компаньон Пятого принца. Если отец действительно решит перейти на сторону Первого принца, тебе придётся несладко.

Мо Ся рассмеялся и пощипал брата за щёки:

— А-Цин, какой же ты милый. Отчаяние совсем затуманило твой разум?

Мо Цин нахмурился:

— Втолой блат, не щипи!

Мо Ся отпустил его, продолжая поглаживать по лицу:

— С того самого момента, как отец отправил старшего и четвёртого братьев во дворец прислуживать Первому и Седьмому принцам, наш род уже стал частью фракции Благородной супруги Цюн. Жертвоприношение — лишь способ укрепить связь с кланом Цуй. Что до того, что я компаньон Пятого принца — для отца это не имеет значения. В его глазах я — просто пешка, которой можно пожертвовать.

Мо Ся потянулся:

— Но то, что отец не ставит меня ни во что, не означает, что я позволю лепить из себя всё, что ему вздумается. Если это случится, какое положение займёт моя мать в роду? Как Сыюнь сможет поднять голову в этом доме?

Мо Цин, который уже было приуныл, увидев уверенность брата, снова оживился:

— Второй брат, у тебя есть план?

Мо Ся взял со стола книгу и легонько постучал ею по голове брата:

— Об этом тебе пока знать не нужно. Сейчас твоя задача — достать бумагу и кисть и внимательно слушать меня. Ты не можешь стать компаньоном во дворце, и твоё незнание ситуации при дворе — твоё главное слабое место. Иначе с твоим талантом разве могли бы старший и четвёртый братья сравниться с тобой?

Он вложил кисть в руку Мо Цина:

— Давай, пиши на бумаге всех чиновников, которые, на твой взгляд, принадлежат к клану Цуй. Не говори, что не знаешь, я ведь совсем недавно проводил для тебя разбор.

Глядя на то, как Мо Цин прилежно склонился над бумагой, Мо Ся невольно вспомнил Лу Чэньчжана.

Интересно, что Его Высочество делает сейчас?

<http://bllate.org/book/18648/1797189>